

Егор Краузе

NEOFEM

Я не должен

Егор Краузе
Я не должен

«Автор»

2026

Краузе Е.

Я не должен / Е. Краузе — «Автор», 2026

Эта антиутопия является сатирой на паразитивные отношения и криком души мужского пола. Я НЕ сексист. (Мужчина должен, мужчина обязан, базовый минимум, Алений хоровод, Red флаги, бытовое рабство, марафоны желаний, зарплата жены, мои деньги - это мои деньги, а его деньги - это наши деньги. Знакомые термины?) Действие книги разворачивается в маленьком островном государстве, где мужчина вечно должен, а девушки ищут исключительно богатых. Правит островом партия "неофеминисток" под руководством "Союза старших сестер", что продают женской половине населения несуществующее счастье о богатом принце в виде курсов. Главный герой 29-й летний бизнесмен. Но в этом обществе быть холостым после 30 лет запрещено. Но как устроена партия? И почему холостые мужчины - угроза существующему строю? Об этом ему расскажет только женщина.

© Краузе Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Егор Краузе

Я не должен

Глава 1

В городе Куколдинск, по улице «Мужчина должен» плавно скользил чёрный Mercedes. Дождь, словно смилившийся с местными нравами, струился робкими потоками, позволяя прохожим прятаться под капюшонами — будто сама природа избегала открытого противостояния с городским укладом. За рулём автомобиля, в чёрной футболке, сливающейся с интерьером машины, сидел мужчина. Его правая рука, украшенная матово-серыми часами от известного бренда и золотым перстнем, лежала на руле с небрежной уверенностью. Казалось, он вёл не автомобиль, а саму свою судьбу — до тех пор, пока светофор не вспыхнул алым.

Красный свет заставил поток машин застыть в почтительном оцепенении. В этот момент взгляд водителя упёрся в гигантский экран на фасаде здания напротив. Там, где обычно мелькали реклама стиральных порошков и лозунги вроде «Мужчина обязан!», теперь доминировал флаг правящей партии «Неофеминисток». Полотно было угольно-чёрным, как лакированный капот Mercedes или ткань футболки мужчины. На этом мрачном фоне розовым неона сиял символ — переосмысленный знак Венеры: окружность с крестом, увенчанная кольцом, внутри которого замер сжатый кулак. Жест, напоминающий одновременно и призыв к борьбе, и угрозу.

Партия, правившая два десятилетия, изменила островное государство до неузнаваемости. Водитель, чьё детство пришлось на эпоху «великого гендерного перелома», помнил, как по телевизору транслировали первые речи лидеров движения. Тогда говорили о равенстве, но результат оказался иным. И теперь, глядя на экран, он чувствовал тошнотворную смесь злости и бессилия.

Его взгляд невольно устремился на фасад огромного здания напротив. Всю его стену занимал гигантский телевизионный экран, по которому в обычное время транслировали навязчивую рекламу потребительских кредитов и партийные лозунги. Но сейчас на нём застыл флаг правящей партии. Чисто чёрный фон. Такой же глубокий, бездонный чёрный, как и безупречный лак его машины или цвет его кашемировой футболки. А на этом траурном фоне полыхал ядовито-розовым цветом главный символ власти — искажённая версия так называемого «зеркала Венеры». Классический женский символ — плюсик, на котором сверху размещено кольцо, — был грубо видоизменён. Внутри этого кольца был изображён сильно сжатый, агрессивный женский кулак. Кулак, готовый не созидать, а крушить. Символ борьбы, которая давно переросла в символ тотального доминирования.

Партия «Неофеминисток» правила страной почти двадцать лет. Он отчётливо помнил тот день из своего детства, когда по всем каналам передали о формировании нового правительства.

Внезапно статичное изображение флага сменилось рекламным роликом. На экране появилась девушка. Она утопала в мехах и массивном золоте, которое безвкусно обвивало её шею и запястья. Лицо, напоминающее фарфоровую маску, сияло от слоёв тонального крема. Губы, раздутые филлерами, были окрашены в ядовито-розовый, брови выведены в идеальные арки, ресницы — как паучьи лапки, обрамляющие глаза-линзы. Волосы, залитые лаком, лежали неподвижным каскадом, а ногти, длиной в три сантиметра, пестрели радужным гради-

ентом. Она улыбалась. В этой улыбке читалось: «Смотри, каким должно быть твоё освобождение».

Взгляд был прикован к экрану. На неё с благоговением и затаённой завистью смотрели десятки девушек, стоящих внизу, на мокром асфальте. Они прекрасно знали, кто это. Это была одна из неоспоримых правительниц этого острова. Одна из верховных лидеров правящей партии «Неофеминисток». Высокопоставленный член так называемого «Союза Старших Сестёр» — истинные правители острова.

Её голос, усиленный мощнейшими динамиками, полился на город. Он был уверенным, громким и вкрадчивым одновременно — идеальный инструмент для массового внушения.

— Девушки, мои прекрасные сёстры! — начала она, одаривая невидимую толпу своей отполированной улыбкой. — Каждая из вас смотрит на меня и видит мечту. И я здесь, чтобы сказать: эта мечта реальна! Если вы хотите выглядеть так же красиво, как я, носить лучшую одежду и не думать о счетах... Если вы хотите быть по-настоящему счастливой и богатой, то запомните главный закон Вселенной: ищите себе ресурсного, богатого мужчину, который будет вас содержать.

Она сделала эффектную паузу, позволив словам впитаться в сознание слушательниц.

— Главное — никогда не соглашайтесь на меньшее, ведь вы все — богини и принцессы по праву рождения! Ваша ценность не измеряется, она абсолютна! Но чтобы гравитация успеха притянула к вам того самого мужчину, того альфу, который обеспечит вам жизнь мечты, вам нужно быть готовыми. Покупайте наши эксклюзивные курсы на грядущей «Неделе Желаний». Они прокачают вашу женскую энергию, очистят денежные каналы и усилят вашу священную связь со Вселенной. И тогда, и только тогда, вы получите золотой билет в дивный новый «мир финансовой стабильности».

Экран резко потух, погрузив фасад здания во мрак. Но голос, словно бестелесный дух идеологии, продолжил вещать из невидимых репродукторов, въедаясь в подкорку сознания:

— И помните. Мужчина ДОЛЖЕН. Всегда и во всём ДОЛЖЕН!

Этот последний лозунг повис в сыром воздухе, словно приговор. И Артём физически почувствовал, как изменилась атмосфера за пределами его автомобиля. Он ощутил это кожей. На него стали смотреть. И не абы кто, а именно те самые девушки, что несколько секунд назад с восторгом внимали своей правительнице.

Их взгляды были лишены кокетства или простого любопытства. Это был холодный, оценивающий взгляд хищниц, заметивших потенциальную добычу. Словно роботы, получившие новую директиву, они методично сканировали его по заранее заложенным параметрам.

Водитель, всё ещё застрявший у светофора, почувствовал на себе десятки взглядов. Девушки, пожирали его взглядом, как голодные зомби на незащитного выжившего. Но водитель не реагировал.

Толпа зашипела, словно перегретый чайник. Им же на курсах рассказывали, что они принцессы и мужчины должны стремиться их добиваться. Но получили лишь безразличный взгляд, который бьёт, как нож.

Это откровенное пренебрежение злило их. Оно вскипало в их крови. Они привыкли, они были приучены к тому, что мужчины всеми силами их добиваются, что сам факт их существования — это уже награда, за которую нужно бороться. Мужчина априори должен добиваться женщину, завоёвывать её внимание, осыпать комплиментами и подарками. Так гласит нерушимая доктрина Партии. Так вещают из каждого динамика, со всех экранов «Старшие Сёстры». Его поведение было не просто невежливостью — это было идеологической диверсией, публичным оскорблением их статуса, дарованного системой.

К счастью для водителя, этот напряжённый момент неловкого, почти враждебного молчания длился недолго. Воздух в салоне автомобиля, казалось, загустел и наэлектризовался от десятка прожигающих взглядов. Не прошло и мучительно долгой минуты, как красный

глаз светофора наконец моргнул и уступил место спасительному зелёному. Артём плавно, но с нескрываемым облегчением нажал на педаль газа, и машина бесшумно тронулась вперёд, унося его из-под этого коллективного гипноза.

— О Боже, — глубоко, с надрывом вздохнув, прошептал он в тишине салона. Это был вздох не физической, а колоссальной моральной усталости, накопившейся за годы жизни в этом странном мире.

Автомобиль мягко скользнул на своё персональное парковочное место в подземном паркинге. Артём, достав изящный зонт-трость, вышел под морозящий дождь и направился к подъезду своего дома — солидной, современной новостройки в одном из самых благополучных и тихих районов города. Его просторная трёхкомнатная квартира была его крепостью, его убежищем.

Поднявшись на свой девятый этаж в пустом скоростном лифте, он испытал настоящее блаженство. Как же он был рад, что поблизости нет никого. Ни голодных, оценивающих женских взглядов, ни скрытой, едкой зависти в глазах мужчин, которые видели в нём не соседа, а более удачливого конкурента. Иногда ему в голову приходила малодушная мысль: может, стоит одеваться чуть скромнее? Снять часы, пересесть на машину попроще? Но какой в этом смысл? Все его знакомые, коллеги и соседи и так всё знали. Эта жалкая попытка мимикрии была бы лишь самообманом.

— Вот я и дома, — с тёплой, едва заметной улыбкой сказал он в пустоту, поворачивая ключ в надёжном замке. Этот щелчок был для него самым приятным звуком за весь день.

Войдя в просторный коридор и сбросив дорогие кожаные ботинки, он, не раздеваясь до конца, тут же прошёл на кухню. Там, в холодильнике, в аккуратном контейнере его давно ждал ужин: роллы «Калифорния», покрытые ровным слоем кунжута и увенчанные нежными сырными шапочками. Он приготовил их вчера вечером, самостоятельно. Артём принципиально предпочитал домашнюю еду, не желая тратиться на рестораны, где, по его твёрдому убеждению, всё продавали с безбожной наценкой, эксплуатируя чужое тщеславие.

Достал из бара тяжёлый стеклянный рокс. Из морозильной камеры появилась запотевающая бутылка холодного, не дешёвого японского виски. В качестве закуски на маленькой тарелке уже были заготовлены кубики сыра — сливочная моцарелла и ореховый маасдам, скреплённые вместе деревянными зубочистками.

Говорят, одинокие люди склонны к выпивке. Легко было бы осудить его, повесив ярлык, однако алкоголиком его назвать, было бы несправедливо. Для него это был не побег от реальности, а ритуал её принятия. Способ замедлиться, смыть с себя липкую паутину чужих ожиданий и снова стать самим собой.

В это же время по мокрым, блестящим улицам города бесшумно скользил патрульный электрокар. Его белоснежный, хищный силуэт почти не отражал неоновый свет вывесок. Это была не просто полиция, а нечто гораздо серьёзнее — Полиция Партии. Элитное подразделение, чьей задачей было следить не столько за уголовным кодексом, сколько за идеологической чистотой граждан.

Из автомобиля вышли две фигуры. Их внешность была точной копией того стандарта, который транслировался с экранов: безупречные, словно выточенные из фарфора лица, покрытые толстым слоем профессионального макияжа. Кожа под ним неестественно блестела в свете уличных фонарей. Высокие, чётко очерченные брови и густые, длинные ресницы делали их похожими на дорогих, но бездушных кукол.

На них была идеально отглаженная униформа из белоснежной плотной ткани, своим кроем и строгостью линий смутно напоминавшая форму «SS». Белые кители, чёрные брюки, начищенные до зеркального блеска сапоги. И главный знак отличия — широкая нарукавная повязка на левой руке, чуть выше локтя, с вышитым на ней флагом и гербом Партии.

— Ох, — с облегчением выдохнула та, что была повыше, выходя из машины. Её чёрные, идеально прямые волосы были собраны в строгий пучок. — Хорошо, что этот мерзкий дождь наконец утих.

— Ага, — коротко согласилась вторая, обладательница длинных русых волос, уложенных в аккуратную косу.

Русоволосая, достала служебный планшет. На экране светилась карточка с информацией о человеке, которого им было поручено посетить сегодня вечером.

— Подъезд третий. Идём.

Они направились к подъезду, их шаги звучали в тишине двора уверенно и синхронно.

— Кстати, — нарушила молчание брюнетка, — хотела сказать. У тебя же вчера вроде годовщина свадьбы была. Поздравляю!

Лицо Беловой на мгновение смягчилось, и она широко, почти по-детски, улыбнулась, глядя куда-то в сторону, на огни города.

— Ну да. Два года уже вместе. Два года стабильности.

— Ого! Два года! Это крупная дата!

Улыбка брюнетки тут же погасла, и она с ноткой искренней грусти добавила:

— Вот только я своего «обеспечуна» ещё не нашла. Вроде и на службе успехи, и внешность по стандарту, а всё не то.

Белова ободряюще похлопала напарницу по плечу. Её голос снова обрёл металлические, командирские нотки, но в нём слышалась своеобразная женская поддержка.

— Да ладно тебе раскисать. Ты не забывай, что моложе меня на целых три года. Время ещё есть. Твои «силиконовые капканы» обязательно когда-нибудь сработают и привлекут кого-нибудь стоящего. Главное — не продешевить. Партия учит нас ценить свои активы.

От увещаний подруги лицо лейтенанта не смягчилось, а наоборот, стало ещё более жёстким и решительным. Она вскинула подбородок, и в её глазах мелькнул холодный блеск.

— Мне «когда-нибудь» не надо, — отчеканила она, и её голос обрёл стальные нотки, которые они обе использовали на допросах. — Я конкурентоспособная единица. Я востребованный актив! Партия учит нас знать себе цену, и я свою знаю. Я не собираюсь ждать у моря погоды.

— Конечно-конечно, — примирительно кивнула сержант Белова, прекрасно понимая настрой напарницы. Это была здоровая, поощряемая Партией амбициозность. — Я в тебе даже и не сомневаюсь. Просто говорю, что не стоит торопиться с выбором. Кстати, раз уж мы об этом... Ты планировала перед тем, как вступить в серьёзные, долгосрочные отношения, создать так называемый «Алений хоровод»?

Та мгновение задумалась. Термин был ей хорошо знаком — это была одна из официально неодобряемых, но повсеместно распространённых женских стратегий для повышения своего статуса.

— Это когда я одновременно буду встречаться с несколькими мужчинами для извлечения максимальной материальной выгоды и выбора лучшего кандидата? — уточнила она, словно сверяясь с определением из учебника. — Я думала об этом. Это эффективный метод для накопления первоначального капитала и ресурсов. Но, всё-таки, он требует слишком больших эмоциональных и временных затрат. Мне лучше найти одного, но максимально перспективного, и сосредоточить все усилия на нём.

Брюнетка резко сменила тему.

— Кстати. Как вы вчера годовщину-то отметили? Что твой подарил?

Та удивлённо вскинула на неё брови.

— А ты разве не заметила? Посмотри внимательнее.

Брюнетка чуть наклонила голову, и свет в холле ярко блеснул на её ушах. Теперь пригляделась и увидела их — капли золота, выполненные в виде экзотических цветов. Искусная

работа и вставки из прозрачных, как слеза, камней недвусмысленно говорили об их высокой стоимости.

— Я заметила, правда. Они великолепны. Но я и не подумала, что это подарок к годовщине. Я думала, это просто твоё очередное приобретение.

— Это и есть подарок, — с нескрываемой гордостью ответила Белова. — Он знает, как меня порадовать.

— Прекрасно. А ты ему что подарила?

— Ну, вообще-то, девушка — это уже сам по себе подарок. Да ты и сама это прекрасно знаешь. Мы — украшение их жизни, источник вдохновения и наследников. Кроме того, запомни навсегда простое правило: мои деньги — это мои деньги. А его деньги — это наши общие деньги. Но я решила всё-таки не оставлять его совсем без подарка, не считая меня, разумеется. Подарила ему с рынка классный набор носков разных цветов. На месяц точно хватит.

— Хороший, практичный для мужчины подарок, — серьёзно кивнула коллега. — Он, наверное, был очень рад.

— Конечно. Мужчины же не девушки. Ты же знаешь, им много для счастья не надо. Главное — забота и чтобы мы были красивые и довольные.

Лифт бесшумно доставил их на нужный этаж. Мягкий свет датчиков движения загорался перед ними, освещая стерильно чистый коридор. Их шаги звучали гулко и уверенно. Остановившись у массивной двери квартиры номер тридцать семь, Воронова подняла руку и нанесла три уверенных, властных стука костяшками пальцев.

Мужчина внутри квартиры вздрогнул. Звук был слишком громким и требовательным для этого позднего часа. Он никого не ждал. Сердце пропустило удар, а в голове пронеслись десятки тревожных мыслей. Нужно было ответить. Медлить в таких случаях — худшее решение. Он подошёл к двери и, стараясь, чтобы голос не дрожал, вежливо спросил:

— Кто там?

Ответ прозвучал глухо, но абсолютно разборчиво. Одно слово, от которого у Артёма похолодело внутри.

— Полиция.

Он медленно повернул замок. Дверь приоткрылась, но тут же остановилась, наткнувшись на преграду. В образовавшемся узком проёме натянулись две толстые стальные цепи — дополнительная мера безопасности, которую он установил давно и ни разу о ней не пожалел. В щель он увидел два женских лица в обрамлении белоснежных воротников униформы, строго и беспристрастно смотревших на него.

В узком проёме, перечёркнутом двумя стальными цепями, стояли две женщины в безупречно отглаженной полицейской форме. Старшая по званию, лейтенант, обладательница русых волос, собранных в строгий пучок, пронзила мужчину ледяным взглядом голубых глаз.

— Леонид? — её голос был лишён каких-либо эмоций, он просто констатировал факт, взятый из служебного планшета.

Мужчина, которого назвали Леонидом, почувствовал, как по спине пробежал холодок. Одно дело — анонимный стук в дверь, и совсем другое — когда незваные гости знают твоё полное имя и дату рождения.

— Да, — вежливо, но с трудом скрывая напряжение, ответил он.

— Мы пришли провести плановую проверку и узнать, как продвигаются ваши поиски постоянной партнёрши. Вам ведь недавно исполнилось двадцать девять лет, а это, как вы знаете, пограничный возраст.

— Можно ваши удостоверения? — это была стандартная и единственно верная реакция в такой ситуации. Проявить бдительность, не показав страха.

Женщины без единого слова синхронно извлекли из внутренних карманов кителей красные книжечки и протянули их в щель. Леонид осторожно взял их. Он хорошо разобрался в

документах, бизнес научил его обращать внимание на детали. Голографическая печать с гербом, водяные знаки, особая фактура бумаги, идеально вклеенные фотографии и чёткие, не смазанные данные. Лейтенант Воронова и сержант Белова. Настоящие. Сомнений не было.

— Так что конкретно вам нужно? — уточнил он, возвращая удостоверения владельцам. Его голос обрёл чуть больше уверенности.

— Неужели не пригласите дам в дом? Негоже вести служебную беседу на пороге.

Это был не вопрос, а вежливое требование. Леонид на мгновение замер, а затем, вздохнув, снял одну цепь, затем вторую. Массивные стальные звенья глухо звякнули. Он открыл дверь.

— Проходите.

Офицеры шагнули внутрь. Леонид закрыл за ними дверь, и звук сработавшего электронного замка показался ему оглушительно громким в наступившей тишине. Первым делом женщины, словно по команде, принялись невербально сканировать пространство своим взглядом. Их взгляды были не просто любопытными — они были оценивающими. Так эксперты осматривают дорогой антиквариат или породистого скакуна.

Квартира была его гордостью. Прилично и со вкусом сделанный ремонт в стиле минимализма: стены графитового цвета, пол из натурального паркета, дорогая, но не кричащая мебель. Их внимание сразу привлекли две вещи. Первая — огромный, почти во всю стену, японский телевизор последней модели с ультратонкой рамкой. Вторая — лежащая на полу посреди гостиной натуральная шкура огромного быка с экзотическим рисунком, добавлявшая интерьеру нотку первобытной мужественности.

— А вы не бедно живёте, Леонид, — с лёгкой, почти мурлыкающей интонацией заметила сержант Белова, проводя рукой по спинке кожаного дивана.

— Благодарю, — скромно, но с достоинством ответил Лёня. — Для любого мужчины это комплимент.

Женщины переглянулись. Этот ответ им явно понравился. Но лейтенант Воронова тут же вернула разговор в официальное русло.

— Только в этом и заключается основная проблема, — заявила она, снова становясь строгой и беспристрастной. — Вам двадцать девять лет. Вы успешны, материально обеспечены и живёте одни. А это очень плохо. Вы, наверное, знаете, что согласно директивам Партии, холостые мужчины тридцати лет являются угрозой для нашего общества. И тогда через год вас отправят в район гетто для «недомужчин»

— Конечно, знаю, — виновато опустив глаза, сказал он.

— Вот и мы так понимаем, что девушки, а уж тем более жены, у вас на данный момент нет, — подытожила Воронова, сверяясь с невидимыми данными в своей памяти. — Вы ведь владелец СПА-салона «Гармония». Если верить нашей базе данных. Это прибыльный бизнес. И при этом вы до сих пор не смогли найти ту жену. Вы же знаете, что мужчина без женщины — неполноценный.

Взгляд Леонида на мгновение утратил свою вежливую отстранённость, став более прямым и даже немного усталым. Он провёл рукой по волосам — жест, выдававший его внутреннее напряжение.

— Данные не врут, — подтвердил он ровным голосом, в котором, однако, слышались металлические нотки. — Я действительно владелец сети салонов «Гармония». И я действительно одинок.

Шатенка, сделала шаг вперёд, снова принимая на себя роль «доброго полицейского». Её тон стал мягче, почти сочувствующим.

— Послушайте, Леонид Борисович. Вы же умный человек, успешный бизнесмен. Вы прекрасно знаете, как устроен наш мир. Мужчина должен добиваться расположения женщин. Тем более с вашим-то капиталом. Вы же не «нищера». Вы более чем способны содержать девушку.

— Благодарю вас. Мне очень приятно от вас это слышать, — в голосе Леонида проскользнула искренняя, хоть и мимолётная, тревога.

Лейтенант, оттеснённая в сторону, смирив свою напарницу презрительным взглядом, в котором смешались злость и капля зависти. Она поправила безупречный китель, словно стряхивая с себя невидимую пыль унижения.

— Неужели ты не понимаешь, что ему нужна *свободная* девушка? — отчеканила она, делая ядовитый акцент на последнем слове.

Но шатенка с формами, которые не мог скрыть даже строгий форменный крой, уже не слушала её. Она сделала то, что умела лучше всего: перехватила инициативу. Развернувшись к Леониду, она мгновенно сменила маску служебного рвения на обворожительную улыбку хищницы, заметившей добычу. Её глаза, полные решимости и неприкрытой жадности, впились в ошарашенное, растерянное лицо мужчины. Весь её вид говорил, что официальная часть визита окончена и начались личные переговоры.

— Вам нравятся девушки с большими формами? — проворковала она, её голос стал ниже и интимнее. Она сделала едва заметный шаг вперёд, вторгаясь в его личное пространство. — Уверена, что нравятся. Большинство мужчин их просто обожают.

Леонид отшатнулся. Этот вопрос, брошенный в лоб с такой наглой прямоотой, выбил его из колеи окончательно. Он невольно скользнул взглядом по её фигуре и тут же отвёл глаза, чувствуя, как краска стыда заливает щёки. Это было слишком. Слишком пошло, слишком откровенно.

— Они хоть... настоящие? — вырвалось у него прежде, чем он успел подумать. Вопрос был глупым, отчаянным, попыткой превратить абсурдную ситуацию в фарс.

Шатенка рассмеялась — коротко и победоносно.

— Конечно настоящие! Из настоящего, сертифицированного силикона высшего качества, — подмигнула она ему, словно делаясь маленьким секретом. — Всё для того, чтобы радовать глаз достойного мужчины.

Он не знал, как ему вырваться из этой железной хватки. Она не держала его физически, но её взгляд, её аура уверенности и напора создавали вокруг него невидимую клетку. Он чувствовал себя не человеком, а ценным лотом на аукционе, который вот-вот уйдёт с молотка.

— Послушайте... Я же вас совсем не знаю, — произнёс он, выставив перед собой руки в защитном жесте, пытаясь отодвинуть её невидимое давление. — Мы видимся впервые. Это... неправильно.

— Вы правы, — неожиданно легко согласилась она.

И, о чудо, она ослабила хватку. Невидимое давление спало. Леонид смог наконец-то вздохнуть полной грудью, чувствуя, как в лёгкие возвращается драгоценный кислород.

— Это легко исправить. Я вам оставлю свой номер телефона, — сказала она, доставая из кармана служебного планшета маленький, но элегантный блокнот и ручку.

Аккуратным, уверенным почерком она вывела на листке несколько цифр. Вырвав бумажку, она протянула её Леониду. Это был не просто клочок бумаги, это был ультиматум. Приглашение, от которого нельзя отказаться.

— Обязательно позвоните мне, Леонид, — её голос снова стал мягким, почти вкрадчивым. — Я, кстати, знаю один отличный ресторан с приватными кабинками, «Тихая гавань». Мы бы могли пойти туда. Обсудить... перспективы.

Не сказав ни слова, он взял бумажку. Пальцы ощущали гладкую, дорогую поверхность бумаги. Он кивнул, не в силах вымолвить и звука.

— До свидания, Леонид! И удачи в поисках! — бросила она на прощание, и в этой фразе слышалась откровенная насмешка.

Он молча смотрел, как они уходят. Две женщины в форме, две охотницы, покинувшие его логово, но оставившие свой запах и обещание вернуться.

Как только за ними закрылась дверь, Леонид, не мешкая, повернул ключ в замке дважды. Звук щелчков

показался ему самым прекрасным звуком на свете. Он прислонился лбом к холодной поверхности двери, тяжело дыша. Тишина, нарушаемая лишь гулом крови в ушах, обрушилась на него.

Затем, словно на автопилоте, он прошёл к бару. Его руки дрожали, когда он снял тяжёлую хрустальную пробку с бутылки. Он не стал утруждать себя поиском льда. Плеснул в стакан-рокс ровно половину, наблюдая, как янтарная жидкость лениво плещется у стенок. И выпил. Почти залпом. Обжигающий, торфяной вкус ударил по горлу, заставив на мгновение перехватить дыхание. Он даже не закусил. Лишь сильно зажмурился и закрыл лицо ладонью, пытаясь стереть из памяти хищные улыбки и оценивающие взгляды.

После этого он резко, почти без сил, плюхнулся на огромный кожаный диван. Мир немного поплыл перед глазами — то ли от стресса, то ли от выпитого виски. Он лежал, глядя в потолок, и пытался унять бешено колотящееся сердце. Пускай и в нетрезвом виде, но его мозг лихорадочно заработал, прокручивая случившееся снова и снова.

Глава 2

Прошло чуть больше часа. Леонид, немного протрезвев, отошел от шокового состояния. Само присутствие полиции в его квартире и риск отправиться в район гетто сильно давили на его нервную систему. Он всегда знал, что это может произойти, но не хотел верить, что все так плохо.

Внутри него бушевали противоречивые чувства: тревога, злость и растерянность переплетались в один узел. Чтобы справиться с давлением, он решил взять в руки свой планшет известной, недешевой марки и позвонить другу. Этот друг был не просто приятелем, а владельцем успешного ресторана «Голодная тарелочница» и таким же богатым предпринимателем, как и он сам. У Леонида была уверенность, что среди богатых людей, таких как они, должна существовать поддержка, особенно в это непростое время.

Существовал тайный орден богатых мужчин, известный как «Золотой телец», о котором знали лишь избранные. Он был создан для того, чтобы мужчины помогали друг другу в мире, где грань между успехом и провалом становится всё более призрачной. В мире, где мужчины постоянно ощущают давление общества и ожидания со стороны женщин, которые ищут лишь финансовую стабильность, такая поддержка была необходима. Леонид понимал, что без этого ордена многие успешные мужчины могли бы получить статус "недомужчины", что в их окружении было настоящей трагедией.

Он набрал номер Артура, своего давнего друга и партнера по бизнесу. После нескольких гудков, на другом конце провода раздался знакомый голос.

— О, Леня! С прошедшим тебя!

Леонид смущенно кивнул, хотя собеседник этого не видел.

— Спасибо большое, Артур. Но я по тому же вопросу, что и раньше, — ответил он, уже понимая, что прелести разговора о праздниках сейчас не место.

Артур моментально изменил свое веселое выражение на серьезное, его голос стал низким и настороженным.

— К тебе что, полиция партии приходила? — встревожено спросил он.

Леонид еще раз кивнул, хотя это казалось излишним в разговоре по телефону.

— Эти твари и до тебя добрались. Хотя это ожидаемо, — произнес Артур с ноткой опасения в голосе.

— Вот я поэтому тебе и звоню. Хотел узнать, что мне делать? — спросил Леонид, чувствуя, как внутри него нарастает напряжение.

Артур задумался, его лицо стало серьезным, он явно обдумывал возможные пути решения сложившейся ситуации.

— Слушай, Леня, ситуация действительно критическая. Нельзя забывать, что они ищут любого повода, чтобы привлечь людей к ответственности. Даже малейшая деталь может сыграть против тебя. Первое, что я тебе советую — не паниковать. Мы с тобой, как члены ордена, должны держать низкий профиль. Они могут пытаться нажать на тебя, хочешь верь, хочешь нет, но самый лучший способ справиться с этой ситуацией — это слаженно действовать.

Леонид напрягся, вслушиваясь в слова Артура. Его мысли метались между паранойей и рациональным мышлением.

— Но как? — спросил он, стараясь сохранить спокойствие. — Ты же знаешь, у меня на руках много дел, и такое давление... Это не шутки.

— Да, ты прав. И я не собираюсь недооценивать серьезность ситуации, — ответил Артур. — Во-первых, у тебя есть связи. Постарайся связаться с несколькими надежными адвокатами, которые не так подвержены влиянию системы. Не лишним будет также собрать всех союзников

из ордена. Возможно, нам стоит провести встречу, чтобы оценить обстановку и выработать тактику действий.

Леонид кивнул, ощущая, как его напряжение немного ослабевает от мудрости друга.

— Ты прав, Артур. Это разумно. Дай мне время, и я соберу информацию и своих людей.

— Отлично. Ты не один, мы все за тебя, помни об этом. Нужно только действовать быстро и аккуратно, — настойчиво ответил Артур.

Леонид почувствовал, как уверенность возвращается. Словно мощный шторм поменял направление, он понял, что у него всё ещё есть шансы. Он был не один, и это придавало ему сил.

— В прошлый раз мы пытались найти тебе девушку среди бизнес-леди, — спокойно напомнил Артур. — Но в обществе, где девушки вместо того, чтобы пользоваться равенством и строить карьеру самостоятельно, предпочитают прийти к богатому на всё готовенькое — достойных и самостоятельных действительно немного. Это редкость, и потому каждая такая встреча на вес золота.

— И всё же, — неуверенно произнёс Леонид. — Тебе-то это удалось.

— Да, — смутился он и чуть тише добавил: — Познакомился я с владелицей небольшой кофейни. Девушка с головой на плечах. Правда, в ту кофейню пары почти не ходят, формат камерный: утренние деловые завтраки, студенты с ноутбуками, одинокие мыслители у окна.

— Потому что тарелочницы не любят кофейни, — усмехнулся Леонид. — Они любят дорогие рестораны. Вроде твоего.

Артур на секунду оживился и, не скрывая улыбки, кивнул:

— Приму это как комплимент. Но ты же понимаешь, дело не в ресторанах. Дело в привычках и целях. Если человек хочет брать — он ищет того, у кого можно брать. Если строить — он ищет того, с кем можно строить.

— А что по поводу иностранок? — после паузы спросил Леонид. — Есть ли смысл смотреть в эту сторону?

— Всё так же непросто, — вздохнул Артур. — Ты же знаешь, у неомеинисток главный страх — конкуренция. Особенно конкуренция ценностями. Между девушкой, которая постоянно что-то требует, и хозяйственной, самостоятельной или карьеристкой мужчина чаще выберет вторую. Поэтому внешние барьеры для иностранок только растут: визовые проволочки, проверки, дополнительные сборы. Да и не каждый рискнёт ехать в страну с такими порядками.

— Неужели все такие? — тихо спросил Леонид, глядя в тёмное окно, где отражался усталый человек с потускневшими глазами.

— Проблема не в том, что нет хороших девушек. Они есть, и их немало, — произнёс Артур спокойно, чуть наклонив голову, словно подводя итог затянувшемуся разговору. — Проблема в том, что плохие девушки умело косят под хороших, притворяются, подстраиваются, выучили роли и реплики. А вычислять шкур ты умеешь — не раз доказывал.

— Ты мне предлагаешь искать иголку в стоге сена? — сухо усмехнулся Леонид, глядя на узкую полоску неона, дрожащую на чёрной поверхности бокала.

— Боюсь, иного выбора у тебя нет, — Артур развёл руками. — Надо не просто искать, а выстроить способ, систему, фильтр, если хочешь. Так, чтобы хорошая девушка не прошла мимо, а маска у фальшивой слетела как можно раньше.

Леонид медленно кивнул. В ресторане стихал гул; официант бесшумно

Разговор стих, словно кто-то плотно прикрыл дверь в безгласную комнату. Леонид налил себе небольшой стакан виски, поднёс к губам и выпил залпом. Жгучая волна прошла по груди, согрела и прояснила голову. Он медленно взялся за ручку двери и вошёл в кабинет.

Кабинет был небольшим, но вполне приличным и уютным: здесь всё говорило о практичности хозяина и о его любви к чётким линиям. На полу лежал ковёр из шкур горных козлов — густой, тёплый, с приглушённым блеском ворса. Тёмный дубовый письменный стол, выпол-

ненный в выверенном дизайнерском стиле, тянулся к окну, на его широкую столешницу мягко падал жёлтый полусвет настольного светильника с матовым колпаком. Рядом стояла строгая подставка с двумя ручками: одна тяжёлая, с гравировкой на корпусе, другая — тоньше, со стальным клипом.

На стене над столом висела небольшая картина — простой натюрморт: белая чашка, два зелёных яблока, складка льняной скатерти. Для незнакомца — безобидная деталь интерьера. Но для Леонида она была больше, чем просто живопись. Картина прикрывала сейф, о существовании которого знал только он. Он потянул раму на себя; с обратной стороны едва слышно щёлкнула механическая защёлка. Под тонкой тканью, укреплённой на рейке, скрывалась стальная дверь.

Леонид набрал комбинацию, привычно задерживая пальцы на трёх последних цифрах — словно давая памяти ещё раз подтвердить правильность выбора. Тугой замок еле слышно щёлкнул. Дверца мягко подалась. Холодный воздух сейфа пах металлом и бумагой.

Внутри лежали аккуратно сложенные купюры в банковских резинках, компактный пистолет — револьвер с отполированным до тёмного блеска барабаном, пара конвертов с документами, перетянутых шпагатом, и ежедневник в плотной тёмно-синей обложке без надписей. Ежедневник выглядел неприметным — почти чужим на фоне остального. Но именно он в последнее время притягивал к себе его руку чаще всего.

Леонид взял дневник, положил на стол и бережно закрыл сейф. Картина вернулась на место, зрачок объектива в углу потолка спокойно

Сегодня ко мне пришла полиция партии. Они узнавали, почему я до сих пор один. А мне двадцать девять лет. Они напомнили мне, что холостые мужчины угроза для общества. Но я не понимаю почему? Чем такие как приносят зло обществу? Отсутствие детей? Нет. Уверен, что причина кроется в другом. Я не слышал не одного бесплодного, которого бы только из-за его заболевания отправили бы в гетто.

Леонид глубоко вздохнул. Он решил дальше писать о наблевшем.

Они хотят, чтобы я нашел себе девушку. А кого искать? Что в соцсетях, что в реальной жизни одни самодовольные девушки, которые ищут себе только богатых. А сами ничего из себя не представляют и ничего не хотят давать взамен. У них яичница сгорит. Хотя спроси у девушек про умение готовить. Ты тут же противным голосом услышишь — «Я тебе, что кухарка что ли?». А если ты ее вещи попросишь постирать. То точно на кресте распят. А сами девушки не стесняются, не просить, а требовать от мужчин больших заработков, квартиры, машины. Они как блохи, которые ищут себе собаку пожирнее, чтобы напиться ее крови. Только кровь в нашем случае — это деньги и все, что с ними связано. Я искал девушку давно. Но я не хочу себе «бытовую проститутку», которая при первой же возможности отожмет половину именно моего честно нажитого имущества, сама же ничего в семью не вложив. Брак — это женская страховка, чтобы в случае, когда мужчина тебе надоест, можно было у него чего-нибудь оттяпать. Желательно квартиру. А то что в мое время браки долго не живут и жертвами ЗАГСа становятся только мужчины — это только подтверждает. Правда, говорить об этом нельзя. Полиция партии за такое мнение точно посадит. Да даже если в слова задуматься становится страшно. Брак — это сломанная вещь не пригодная к эксплуатации. Одно только название буквально кричит о ненадежности этого слова. А что после брака? Развод. Развод — это синоним слова «обман», мол ты не развелся, тебя развели.

Тот временно прекратил писать. Он вспомнил пережитую недавно историю.

Они называют себя «сильными и независимыми», но при этом их главная цель найти себе богатого, чтобы их содержали. Карьерой и бизнесом из девушек занимаются лишь единицы. Остальные же «сильные и независимые» предпочтут жить за счет мужского кошелька. В этом заключается «женская независимость»? Сомневаюсь. Мне как богатому бизнесмену тошно. Все хотят, нет, не меня, мой кошелек. Я хочу поведать вам одну такую историю. Их у меня много, но эта была совсем недавно. Последняя. Она была два дня назад. Я сходил в кофейню, чтобы заказать латте с какой-нибудь вкусняшкой...

Леонид в своем дневнике стал описывать эту историю. Он на своей остановился возле не большой, но вполне приличной кофейне. Первое на что он обратил внимание – это разумеется взгляд девушек. Они разглядывали его машину. Их взгляды, будто терминаторы, сканируют свою будущую жертву.

Он скромно открыл стеклянную дверь и вошел внутрь. Из шести столиков были заняты лишь два. На первом молодой парень. На вид студент. Но он был один. Лицо его было взволнованным. В левой руке он держал кружку с кофе, в правой телефон. Леонид предположил, что он ждет подружку, которая по классике жанра опаздывает, ведь ей необходимо хорошенько накрасится. Правда Лёня знал, что косметика в этом общества нужна не для того, чтобы показывать, а для того, чтобы скрывать.

На втором занятом столике сидели две девушки с губами, как будто они в засос поцеловали пчелиный улей. От количества пудры и мази кожа аж отражала свет ламп.

Самое приятное – это то, что они на него смотрели. Они не заметили, на какой машине он приехал.

Он подошел к стойке бариста. Там была девушка. По лицу невооружённым глазом было видно, что она не очень довольна своей должностью. Да и просто одним только фактом того, что она работает, а не кто-то, какой-нибудь «настоящий мужчина» работает за неё и отдает ей всю свою зарплату. Ведь он мужчина. Он ДОЛЖЕН. Он ОБЯЗАН.

Девушка невольно посмотрела на него.

— Что будете брать,- вежливо, но с закатанными глазами спросила она.

— Я буду латте и возможно...

Лицо, фигура, одежда мужчины ни о чём не говорили. Ей было всё равно. Но не руки. На пальцах не было обручального кольца. Или же, как принятого говорить в этом обществе «неокальцован». Также часы. Это были брендовые, дорогие часы. Они не были какими-нибудь ювелинными-золотыми. Скорее всего половину зарплаты бариста. Может чуть дороже. Не дёшево, но в то же время далеко не тысячи долларов.

Не успел он как-то отреагировать, как он заметил, как девушка с улыбкой безумного маньяка схватила его правую руку.

— А может ещё возьмете меня.

Тот испугался.

— Что простите?

— Я вижу вы холостой мужчина, да и к тому вам больше двадцати пяти. Верно.

— Какая вам разница, сколько мне лет?

— А то вы не знаете, что делают с холостяками.

Это было лишнее болезненное упоминание о районе гетто для «недомужчин».

— Я знаю, - с тоской сказал он.

— Я тоже свободная. Сильная и независимая. Как насчёт узнать друг друга получше. Вы мне очень понравились.

От такой наглости Леонид резко оттянул руку. Если бы он что-то закал, что она бы паялилась на него, как коршун на мышь. Тот решил уйти. А девушка осталась недовольной. Она думала, что та будучи востребованной спокойно заполучит «обеспечуна», но не тут то было.

Глава 3

Что вершит суд над человеческими поступками? Быть может, это некая высшая, небесная сила, что незримо следит за каждым из нас, скрупулёзно сплетая нити кармы? Нет. Я давно пришёл к выводу, что закона кармы не существует. Это лишь успокоительная сказка для тех, кто боится признать очевидное: вселенная к нам абсолютно безразлична. Если бы этот вселенский закон справедливости существовал, то почему хорошие, честные люди попадают в ужасные аварии, становясь калеками? Почему старики, всю жизнь трудившиеся на благо других, становятся лёгкой добычей для бездушных мошенников? Почему невинные дети страдают от страшных болезней, а их родители в отчаянии готовы продать последнее? Почему праведники умирают в забвении и нищете, в то время как отъявленные злодеи процветают, строят бизнес-империи на чужих слезах и смеются нам в лицо со страниц глянцевого журналов? Вселенной всё равно. Она – лишь холодный, молчаливый свидетель нашей жестокой лотереи бытия.

Но там, где молчат небеса, начинают говорить люди. Люди, уставшие от несправедливости. Те, кто берёт правосудие в свои руки, чтобы наказать зло, до которого не дотягивается ни закон, ни мифическая карма. И среди них – я.

На этом острове, в этом кипящем котле человеческих страстей и пороков, развелось слишком много тех, кто мужчин за людей не считает. Для них мужчина – это не партнёр, не друг, не любимый человек. Это ходячий кошелек. Безлимитная кредитная карта. Ресурс, который вечно им ДОЛЖЕН просто по факту своего существования. А они? Они не должны ничего. Их единственная задача – потреблять, требовать и принимать как должное.

И одни из самых отвратительных представительниц этого вида – тарелочницы. Это не просто женщины, ищущие выгоду. Это целая каста, философия паразитирования. Они нагло и цинично обманывают мужчин, превращая свидания в бесплатный гастрономический тур. Питаются в самых дорогих ресторанах за их счёт, а после сытного ужина исчезают в ночи, блокируя номер телефона и растворяясь в цифровом тумане. Меня это всегда бесило до скрежета зубов.

Поразительно, в каком лицемерном мире мы живём. Если женщина борется за равные права, требует равной оплаты труда и уважения – она героиня, она феминистка, и весь прогрессивный мир ей рукоплещет. Но стоит мужчине заикнуться о равных правах, о том, что счёт в ресторане было бы справедливо разделить пополам, – на него тут же вешают ярлык жадного неудачника, «пополамщика». И это у так называемых «сильных и независимых» называется равноправием? Какое же это лицемерие! Как же это бесит.

Но я спокоен. Мой гнев – это не слепая ярость, а холодное, острое лезвие. Я верю, что этот мир от подобной нечисти очищу именно я. Моё имя – «Посудомойщик». Я пришёл, чтобы вычистить эти грязные «тарелки». Я избавлю пусть не весь мир, но хотя бы этот остров от наглых тарелочниц. И, возможно, верну отчаявшимся мужчинам веру в то, что справедливость всё-таки существует.

Мужчина сел за свой лаконичный стол из тёмного дерева. За окном сгустились сумерки, и город зажигал свои неоновые огни, превращаясь в гудящий улей. Единственным источником света в комнате был холодный прямоугольник экрана ноутбука. Мужчина открыл сайт знакомств. Само это словосочетание вызывало у него горькую усмешку. «Сайт знакомств»... Скорее, базар. Современный невольничий рынок, где девушки – это товар, каждая из которых пытается продать себя как можно дороже, выставив на витрину самые удачные ракурсы и отфильтрованную версию своей жизни.

Он медленно пролистывал профили. Бесконечная карусель одинаковых лиц: надутые губы, томные взгляды в объектив, стандартные позы. Биографии, написанные словно под

копирку: «люблю путешествовать», «ищу серьёзные отношения», «ценю в мужчине чувство юмора и щедрость». Последнее слово всегда было ключевым.

Он открыл аватарку очередной девушки. Выбор был не случайным. За долгие месяцы своей «работы» он научился видеть их насквозь. Обычно «тарелочниц» выдаёт их кричащая вульгарность и хищная уверенность во взгляде. Они считают себя альфа-хищниками, для которых наивный мужчина – это всего лишь добыча, а его кошелек – законный трофей.

Но они даже не подозревают, что в этот раз на охоту вышел совершенно другой хищник. И жертвами в этой игре будут именно они. Он начал печатать сообщение, тщательно подбирая слова. Приманка была заброшена. Оставалось только ждать.

Зелёный кружок рядом с её аватаром горел, словно маяк в цифровом тумане. В онлайн. Готова. Он не стал терять ни секунды. Пальцы быстро и уверенно заскользили по клавиатуре.

— Привет, занята?

Вопрос был намеренно простым, даже немного небрежным. Никаких избитых комплиментов или витиеватых подходов. Это был первый тест, лакмусовая бумажка. Он знал, что на такой «независимый и скромный» вопрос человек, действительно ищущий общения, мог отреагировать по-разному: задать встречный вопрос, проявить сдержанный интерес. Но у его «целей» реакция была почти всегда запрограммированной.

Ответ пришёл почти мгновенно, словно она сидела, обновив страницу, в низком старте.

— Да нет. Как раз ишу, с кем поговорить.

Формально – идеальный ответ. Дружелюбный, открытый, располагающий к диалогу. Но он чувствовал за этими словами холодный расчёт. Это был ответ не человека, а функции. Стандартное приглашение к действию. Опытный рыбак чувствует малейшее подрагивание лески – это ещё не поклёвка, но уже интерес. Он усмехнулся. Главное, что выдавало тарелочниц, было ещё впереди.

Теперь настало время для второго этапа – прямолинейной лести, грубой, но всегда безотказно действующей.

— А ты красивая, – напечатал он, вкладывая в эти слова ровно ноль искренности. Это был лишь инструмент, сладкая ложь, призванная развязать ей язык и подтолкнуть к нужному действию. — Хочешь встретимся?

Он откинулся на спинку стула, наблюдая за индикатором «печатает...». Индикатор не просто появился – он запульсировал с лихорадочной скоростью. Она даже не пыталась выдержать паузу, не задала ни одного вопроса о нём самом, о его интересах, о его жизни. Её цель была предельно ясна.

— Я с радостью! Давно хотела найти настоящего мужчину, с которым можно провести время. Я один ресторан хороший знаю. Давай туда сходим?

Бинго. Холодное, почти хищное удовлетворение разлилось по его венам. *Вот она и попалась.* Словно мышь, которая, увидев сыр, забыла о существовании мышеловки. По своему огромному опыту он знал: именно это – их главный опознавательный знак. Не просьба о «цветах и шампанском», не намёки на подарки, а именно эта стремительная, лишённая всякой скромности инициатива. Они всегда сами предлагают пойти в ресторан. И не просто в ресторан, а в конкретное, заранее выбранное место.

Она прислала название и ссылку на карту. Картина стала кристально ясной. Он знал это заведение. Одно из тех пафосных мест, где цена одного блюда равна недельному бюджету на продукты средней семьи. Тарелочницы по дешёвым забегаловкам не ходят. Их цель – не просто поесть, а наесться дорого, экзотично, за чужой счёт, чтобы потом выложить фото в социальные сети с подписью о «прекрасном вечере с загадочным незнакомцем».

Он продолжил игру, сохраняя ледяное спокойствие.

— Когда можем встретиться?

— Через час. Ты сам подъедешь или такси закажешь?

И снова в точку. Ещё один вопрос с двойным дном, классический маркер. Во-первых, «через час». Никакой подготовки, никаких долгих сборов. Она всегда в боевой готовности, её «работа» не терпит отлагательств. А во-вторых, этот мнимый выбор: «подъедешь или закажешь такси». Это был выбор без выбора. Оба варианта подразумевали, что он должен позаботиться о её логистике. Равноправие равноправием, феминизм и независимость – это для публичных выступлений. А в реальной жизни мужчина для них по-прежнему должен быть удобным, галантным банкоматом на колёсах.

Личным водителем или спонсором поездки. Никаких встреч «на месте», никакой самостоятельности. Это было последним доказательством, которого он ждал.

Он медленно, с расстановкой напечатал ответ.

— Я подъеду.

— Хорошо. Жду.

Сообщение с кокетливым эмодзи стало финальным аккордом в этой короткой партии. Она была уверена, что вечер сложится по её сценарию. Что её ждёт очередной бесплатный ужин и очередной одуроченный мужчина.

Он закрыл ноутбук. План был готов. Охота переходила в свою финальную, самую интересную стадию. Пора было вымыть очередную «тарелку».

Переписка была закончена. Он не стал дожидаться её последнего, полного предвкушения сообщения. Одним движением он захлопнул крышку ноутбука, оборвав тонкую цифровую нить, связывавшую его с очередной жертвой. Комнату поглотила тишина, нарушаемая лишь гулом системного блока.

Мужчина медленно провёл рукой по лицу, от подбородка до лба, словно стирая невидимую маску усталости и презрения.

— Они все как одна... — прошептал он в пустоту. Голос был тихим, но в нём звенела сталь холодного убеждения. — Ничем друг от друга не отличаются. Один и тот же шаблон, один и тот же алгоритм. Надели на себя картонные короны, выкованные из лайков и чужого внимания, и ходят гордые, а на деле — пустышки. Абсолютно ничего из себя не представляют.

Его взгляд устремился в окно, на огни ночного города. Этот город был для него островом. Островом, затерянным в океане фальши, где найти приличную, искреннюю женщину стало так же сложно, как отыскать жемчужину в куче битого стекла. И от этого найти жертву для его маленьких спектаклей было до смешного легко. Они сами плыли в сети, привлечённые блеском дешёвой наживки.

— Значит, через час, — напомнил он себе, и его губ коснулась хищная усмешка. — Отлично. У меня есть время, есть её адрес. И, конечно, название пафосного ресторана. — Он сделал паузу, смакуя следующую мысль. — Но, к огромному сожалению для неё, она до него так и не доедет.

Мужчина поднялся и направился в ванную. В наш век тотальной слежки, в эпоху вездесущих камер и систем распознавания лиц, оставить себя прежним было верхом неосмотрительности. Но внешность — это всего лишь холст, и краски на нём всегда можно поменять.

Он иронично усмехнулся, вспомнив о легионах бьюти-блоггеров. Они учат девушек выливать на себя тонны косметики, наивно полагая, что макияж нужен, чтобы подчеркнуть красоту. Какая глупость. Его истинное предназначение — скрыть. Создать иллюзию, вылепить новое лицо поверх старого. И сегодня он собирался использовать это «женское оружие» против них самих.

Его ванная комната меньше всего походила на обычную. Это была настоящая алхимическая лаборатория по изменению личности. На полках ровными рядами стояли не только мужские средства для ухода, но и баночки с пигментами, палетки с тенями, флаконы с тональными основами разных оттенков, профессиональные кисти.

Он начал с волос.

— Какой же мне цвет выбрать сегодня? — риторически спросил он у своего отражения. — Давай на этот раз что-то нестандартное. Что-то, что будет кричать.

Его выбор пал на тюбик с ярко-красной краской. Огненный, вызывающий цвет. Он действовал быстро и уверенно, без суеты. Ему это было не в новинку. Нанеся состав на волосы и укрыв их шапочкой, он выставил таймер. Пока химия делала своё дело, он перешёл к следующему этапу.

Аккуратно, одним ловким движением, он вставил в глаза контактные линзы. Его привычные карие зрачки утонули, а на их месте вспыхнули два холодных, пронзительных изумруда. Зелёные глаза. Цвет зависти и яда. Идеально.

Затем началось самое нудное и кропотливое — макияж. Он не раз видел в сети поразительные трансформации, когда с помощью контуринга, хайлайтера и тонального крема люди меняли черты лица до неузнаваемости. Он потратил месяцы, чтобы в совершенстве овладеть этой техникой. Лёгкая грунтовка, чтобы скрыть поры. Плотный тон, чтобы выровнять цвет кожи. Тёмный скульптор под скулы, чтобы сделать их острее и выразительнее. Немного хайлайтера на спинку носа, чтобы визуальное его сузить. Несколько штрихов, имитирующих лёгкую щетину в нужных местах, чтобы изменить линию подбородка. Это была ювелирная работа, требующая терпения и твёрдой руки.

Смыв краску и быстро высушив волосы феном, он взглянул на результат. Ярко-красная, почти вызывающая шевелюра полностью изменила его образ. Он надел стильные декоративные очки в тёмной оправе. Стёкла были обычными, без диоптрий, но они добавляли облику интеллигентности и сбивали с толку, меняя геометрию лица.

И последний штрих. Он взял переводную татуировку высочайшего качества — чёрную змею, обвившуюся вокруг стеблей тёмно-алых роз. Аккуратно приложив её к предплечью и намочив губкой, он через минуту снял бумажную основу. На коже остался идеальный рисунок, который невозможно было с первого взгляда отличить от настоящей, чернильной работы.

Медленно он поднял голову и посмотрел в зеркало. Тот, кто смотрел на него из зазеркалья, был ему абсолютно незнаком. На него глядел дерзкий молодой человек с огненными волосами, пронзительными зелёными глазами и острыми, аристократическими скулами. Интеллигентные очки и хищная татуировка создавали взрывоопасный контраст. От прежнего него не осталось и следа.

Он усмехнулся отражению. Ему, чужому, незнакомому.

— Думаете, только вы можете в своих соцсетях внешность фильтрами изменять? — тихо, с ледяной иронией произнёс он. — Как же вы ошибаетесь.

Он вышел из дома, захватив с собой ключи и главное — швейцарский нож. Объяснить наличие именно этого инструмента при обыске гораздо проще, чем выкидного ножа или, тем более, кухонного. Швейцарский нож выглядит безобидно и многофункционально, что позволяет избежать лишних вопросов.

Сев в свой автомобиль и пристегнувшись ремнем безопасности, он направился к своей следующей жертве. Она возомнила себя хищником, не подозревая о том, что сама стала добычей. Машина не выделялась среди прочих, представляя собой довольно приличное, но ненавязчивое средство передвижения. Это не была дорогая немецкая или японская марка, которая привлекает внимание нынешних «нитакусь», и уж тем более не авто, которое уверенно заняло бы место в фантазиях о «сказочном принце».

Ночной город словно напоминал Токио: яркие огни реклам, светофоры и потоки автомобилей создавали атмосферу жизни и энергии. Рекламные баннеры, расположенные повсюду, оповещали о бизнес-инициативах богатых мужчин, предлагающих заманчивые возможности. Женщинам тоже предоставили шанс развиваться и строить свою карьеру. Но зачем же услож-

нять себе жизнь, когда можно найти обеспеченного спутника на белом Mercedes, который с радостью возьмет на себя все финансовые проблемы своей «бедной принцессы»?

Однако среди рекламной мишуры его взгляд привлекли флаги с лозунгами новой партии – «Союз старших сестер». Эти плакаты напоминали о приближающейся «неделе марафонов желаний», где девушки могут «зарядиться» уникальной женской энергией и, быть может, встретить своего «настоящего мужчину».

Подъехав к ее дому, расположенному в небогатом районе с однокомнатными квартирами и преобладанием секонд-хендов, он заметил ее. Однако на фотографиях в социальных сетях она выглядела гораздо привлекательнее, чем в реальности. Эта несоответствующая действительности картинка не удивила маньяка – он знал, как сильно профилированные и отшлифованные образы влияют на восприятие. Она была одета скромно, а взгляд ее напоминал царственный – но, холодный и недоступный.

С течением времени он натренировался смотреть под поверхность, и, находясь в ловушке социальной реальности, быстро освободился от наивных иллюзий. В его глазах девушки в таких ситуациях выглядели только как незаконченные произведения искусства, требующие доработки и назначения. Таковы правила этой игры, в которой он оказался лидером.

Всё это лишь игра масок в ночном городе, где сущность каждого скрыта за слоями аккуратно наложенного макияжа и фильтров, и где судьбы пересекаются в самые непредсказуемые моменты.

Он остановил машину у тротуара, и она подошла.

— Здравствуй, — его голос прозвучал ровно и дружелюбно. — Ты Клеопатра?

Она молча кивнула. Не просто кивнула, а исполнила лёгкий, едва заметный наклон головы, полный королевского снисхождения. Словно принцесса, удостоившая своим вниманием простого кучера. Этот жест был ему до боли знаком. Не говоря ни слова, он вышел из машины, обошёл её и распахнул перед ней пассажирскую дверь. Идеальное исполнение роли из девятнадцатого века. Он уже давно привык к этому театру. В дивном новом мире, где якобы правит феминизм, мужчинам отводилась роль «джентльменов» из старых книг, в то время как девушки виртуозно переключались на роль беззащитных и хрупких созданий, как только это становилось им выгодно.

Она грациозно опустилась на сиденье и пристегнулась. Дверь плавно закрылась.

— Рада тебя видеть, — произнесла она, когда он сел за руль. На её лице играла выверенная улыбка.

— А я-то как рад, — ответил он, вкладывая в слова ровно столько тепла, чтобы это звучало искренне.

Эта фальшивая женская улыбка. Он видел её сотни раз. Тонкая маска, за которой скрывалось холодное оценивание. Она смотрела не на человека, а на набор функций, на ресурс. Он был для неё всего лишь ступенькой, средством достижения цели. И она на один вечер притворится, что видит в нём мужчину.

Машина тронулась, плавно вливаясь в поток ночного трафика. Первые несколько минут они обменивались ничего не значащими фразами о погоде, последнем нашумевшем сериале, банальностях городской жизни. Он поддерживал разговор, создавая иллюзию комфорта и непринуждённости. Но вот, когда первые барьеры неловкости были сняты, он задал вопрос, который всегда служил для него лакмусовой бумажкой:

— Какие у тебя планы на жизнь?

Она на мгновение замолчала, её взгляд устремился на мелькающие за окном огни. Пауза затянулась.

«Главный план – дотянуть до завтра», – мысленно усмехнулся он, но его лицо сохраняло выражение участливого интереса.

— Ну... — протянула она наконец. — Я сейчас активно занимаюсь саморазвитием.

— Марафоны желаний и поиски женской энергии? — он задал вопрос с лёгкой, почти незаметной иронией, которую она, конечно же, не уловила.

— Но-но, не только! — она тут же оживилась, почувствовав знакомую тему. — Я веду свой блог в соцсетях. Про осознанность, визуализацию успеха...

— Ясно.

Его короткий ответ прозвучал как точка в конце предложения. Всё сходилось. Каждая деталь идеально укладывалась в привычный для него пасьянс.

Они выехали на шоссе. Городские огни остались позади, и дорога погрузилась в густой мрак, разрезаемый лишь светом их фар и редкими столбами освещения. Машин почти не было. Гул мотора в этой тишине казался оглушительным. Изоляция нарастала с каждым километром.

— А зачем мы едем по этой дороге? — в её голосе впервые прозвучали нотки недоумения и зарождающейся тревоги. Она начала оглядываться, словно только сейчас осознав, что привычные городские пейзажи исчезли.

Он не повернул головы, его взгляд был устремлён вперёд, на тёмную ленту асфальта.

— Я просто лучше знаю эту местность, — ответил он безупречно ровным и успокаивающим тоном. — Если здесь свернуть, то можно немного сэкономить на бензине.

Сэкономить. Он произнёс это слово намеренно, как рыбак, насаживающий на крючок последнюю, самую лакомую приманку. Это было ключевое слово, финальная проверка. В мире современных «принцеждалок», как он их для себя называл, это было одним из главных табу. Мужчина мог быть кем угодно, но он не имел права открыто говорить об экономии. Это был маркер, сигнализирующий о недостатке ресурса. И она проглотила наживку, не заметив подвоха. Её молчание было громче любого ответа. Приговор был подписан.

Внезапно в оглушающей тишине салона раздался сухой, хищный щелчок. Центральный замок. Механический звук, знаменующий, что мышеловка захлопнулась. В то же мгновение двигатель заглох, и машина, проехав по инерции ещё несколько метров, замерла посреди тёмного, безлюдного шоссе. Наступила абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь её сбившимся дыханием.

— Почему мы встали? — её голос, ещё несколько минут назад полный королевского спокойствия, дрогнул. Недоумение быстро смешивалось с липким, подступающим к горлу страхом.

Он молчал. Не повернув головы, он медленно, словно во сне, погрузил левую руку в глубокий карман своей куртки. Его движения были подчёркнуто неторопливыми, ритуальными. Он наслаждался этой паузой, этой густой, как смола, атмосферой неопределённости, в которой её уверенность в себе таяла с каждой секундой.

— Почему мы встали?! — на этот раз она почти крикнула. В её голосе прорезались истерические нотки — это был вопль разгневанной принцессы, чей кучер посмел послушаться.

Его рука наконец показалась из кармана. В тусклом свете приборной панели что-то тускло блеснуло. Это был обыкновенный швейцарский нож, но в его руке он выглядел зловеще. С тихим, маслянистым щелчком он обнажил лезвие. Она замерла, её взгляд приковался к холодной стали. Воздух вышел из её лёгких, и она забыла, как дышать. Весь мир сузился до этого маленького, остро заточенного кусочка металла.

Он же просто смотрел на неё. Смотрел не как мужчина на женщину, а как учёный на подопытное насекомое. Он упивался её преображением: маска надменности и превосходства треснула и осыпалась, обнажив первобытный, животный ужас. Вот она, её истинная сущность — беспомощное, испуганное существо. Это зрелище доставляло ему глубокое, извращённое удовольствие.

— Мы приехали, — наконец произнёс он. Голос его был абсолютно спокоен, словно он объявлял конечную станцию маршрута.

В этот момент её паралич прошёл, сменившись отчаянной паникой. Она бросилась к двери, начала неистово дёргать ручку, бить кулаком в стекло. Бесполезно. И пока она была отвлечена этой безнадёжной борьбой, он нанёс удар. Это было молниеносное, выверенное движение профессионала — короткий и точный выпад прямо в сердце. Ему даже повезло: её скромный бюст не стал помехой. Анатомическая удача.

Она не закричала. Из её рта вырвался лишь тихий, судорожный вздох. Шок и острая, пронзающая боль парализовали её голосовые связки. Но она была ещё жива. Её глаза, расширенные от ужаса, смотрели на него с немым вопросом.

— Сколько мужчин ты обманула?! — прошипел он ей в лицо, наклонившись так близко, что она чувствовала его дыхание. — Сколько жизней ты использовала как ступеньки? Теперь настал час расплаты. Тарелочница!

Он отстегнул свой ремень безопасности, чтобы ничто не сковывало его движений. И тогда начался ад. Он наносил удар за ударом, превращая её грудь в кровавое месиво. Она пыталась сопротивляться, царапалась, слабо отталкивала его руки, но он был несоизмеримо сильнее. Главное — он был абсолютно бесжалостным. Из её глаз хлынули слёзы — не от обиды или горя, а от животного страха и невыносимой боли. Она открыла рот, чтобы издать последний, предсмертный крик, но его ладонь грубо зажала ей лицо. А затем лезвие сверкнуло снова, полоснув по её горлу. Вместо крика из перерезанной трахеи вырвалось лишь тихое, булькающее шипение.

Спустя мгновение её тело обмякло. Борьба прекратилась. Она заснула, но на этот раз — навсегда. Вся её модная одежда, сиденье автомобиля, его руки — всё было залито густой, тёмной кровью. Он откинулся на спинку своего кресла, тяжело дыша. Ритуал был завершён. Правосудие, как он его понимал, свершилось.

Он дышал. Глубоко, рвано, как марафонец, пересекавший финишную черту после изнурительного забега. Адреналиновый шторм, бушевавший в его крови несколько минут назад, начал стихать, уступая место холодному, кристально чистому удовлетворению.

— Да... — пронеслось в его голове, — какой же это кайф.

Это был не тот дешёвый кайф, что ищут в наркотиках или алкоголе. Это было чувство высшего порядка, ощущение восстановленной справедливости, внесённой в мир гармонии. Он был не просто убийцей. Он был санитаром, хирургом, удаляющим раковую опухоль с тела общества.

Он снова повернул голову и посмотрел на то, что ещё недавно было самодовольной, уверенной в своей неотразимости девушкой. Теперь это был лишь объект, безжизненная оболочка, проблема, требующая решения.

— Тело... — его взгляд стал оценивающим. Он присмотрелся внимательнее, его взгляд стал жадным и практичным, как у мясника, оценивающего тушу. — Тут не так уж много мяса. Хрупкая. Это хорошо. Будет не так уж и сложно её разделить.

Сделав последний глубокий вдох, он плавно, без малейшей суеты, вышел из машины. Ночной воздух, холодный и чистый, ударил в лицо, контрастируя с тёплым, медным запахом крови, который уже успел пропитать салон. Щёлкнул замок багажника. Подняв крышку, он откинул в сторону старое шерстяное одеяло. Под ним, в идеальном порядке, лежал его набор. Ножовка по металлу с мелким зубом и несколько рулонов плотных мусорных пакетов.

В его мире для всего было объяснение, железное алиби на любой случай жизни. Ножовка? Так ведь сколько раз бывало, что упавшее дерево перегораживало лесную дорогу. Нужно же как-то освободить проход. Пакеты? Для мусора после пикника, разумеется. Он всегда был за чистоту. Всё было продумано до мелочей.

Он аккуратно расправил один из чёрных, глянцевого пакетов на земле у пассажирской двери, создавая импровизированный сток. Затем натянул на руки плотные латексные перчатки, которые обхватили его кисти, как вторая кожа. Никакого возбуждения. Ни тени похоти. Это

была работа, грязная, но необходимая. Он делал это на автомате, с отстранённой эффективностью заводского конвейера.

Сначала — одежда. Она могла стать главной уликой: волокна, волосы, частички кожи. Он срезал её ножом, действуя быстро и точно. Бюстгальтер, джинсы, бельё — всё это летело в отдельный, четвёртый пакет. Он был профессионалом и знал, что смешивать биоматериал с вещами нельзя.

Затем он приступил к основному. Сняв с неё лифчик, он взялся за ножовку. Он начал с руки, работая методично и спокойно, словно разделявал курицу к ужину. Кровь, ещё не успевшая до конца свернуться, потекла ручьём, но он был к этому готов. Он приподнимал конечность так, чтобы всё стекало точно в расстеленный на земле пакет. Ни капли мимо. Хруст кости, звук пилящего металла — для него это была лишь музыка его ремесла.

Конечность за конечностью. На это потребовалось три больших пакета. Три аккуратно завязанных, тяжёлых узла. В четвёртый, как уже говорилось, отправилась одежда и её личные вещи: сумочка, косметика, ключи. Телефон он достал отдельно. На всякий случай вынул сим-карту, а затем согнул аппарат несколько раз, пока экран не пошёл паутиной трещин и не хрустнул. Отследить его теперь будет невозможно.

Он вернулся к машине. Внутри всё ещё стоял тяжёлый запах. Но теперь это был запах завершённой работы. Он сел за руль, завёл мотор и, не оглядываясь, тронулся с места, растворяясь в ночной тьме.

— А теперь можно ехать домой. Та кто хотела поужинать, сама станет ужином.

Глава 4

Леонид двигался против течения. Сплошной, гудящий поток людей спускался ему навстречу по эскалатору, а он, непоколебимо и методично, поднимался по каменным ступеням, проложенным рядом. Торговый центр жил своей шумной, хаотичной жизнью: смех детей смешивался с навязчивой поп-музыкой, запах свежей выпечки боролся за первенство с ароматом дорогого парфюма, а яркие вывески слепили глаза, обещая скидки, счастье и новую жизнь.

Для Леонида всё это было лишь фоновым шумом, привычным пейзажем его владений. Он шёл на третий этаж, в свой тихий оазис, где царили покой и порядок, — в спа-салон «Гармония», его детище и гордость.

Стеклянные двери с матовым логотипом плавно разъехались перед ним, и он шагнул из гудящего улья в мир безмятежности. Шум торгового центра мгновенно стих, утонув в едва слышной лаунж-музыке и тихом журчании декоративного фонтана. Воздух был пропитан тонким ароматом лаванды и сандалового дерева.

У стойки ресепшена, выполненной из тёмного дерева и подсвеченной мягким светом, сидела девушка.

— Ну что? — его голос прозвучал уверенно и спокойно, не нарушая общей атмосферы. — Как сегодня с клиентурой?

Девушка вздрогнула и подняла глаза. Увидев его, она тут же вскочила, и на её лице расцвела широкая, отрететированная улыбка.

— Леонид Борисович! Здравствуйте! Как я рада вас видеть!

Её радость, впрочем, выглядела такой же частью интерьера, как и орхидея в горшке рядом с ней — красивой, но искусственной. Леонид, за годы управления бизнесом научившийся читать людей как открытую книгу, видел это отчётливо. Улыбка не затрагивала её глаз, в которых застыла усталость. И её лицо... оно было на тон темнее обычного, покрытое плотным слоем тонального крема и пудры. Она явно пыталась что-то скрыть — то ли бессонную ночь, то ли синяки под глазами.

Он проигнорировал эту мелочь, сосредоточившись на главном.

— Жора у себя?

— Конечно, у себя, — продолжая сиять, прощепетала она. — Он же как-никак управляющий. Как ему не быть у себя на рабочем месте?

— Действительно, — усмехнулся Леонид, оценив её попытку блеснуть остроумием. — Он всегда был ответственным работником. В этом ему не откажешь.

Он уже сделал шаг в сторону коридора, ведущего к кабинетам, как её голос остановил его.

— Леонид Борисович! Одну минутку! Ну куда же вы так спешите?

Он обернулся, слегка удивлённый её настойчивостью. Обычно персонал был более сдержан.

— Как куда? — он вопросительно вскинул бровь. — К управляющему. Есть пара рабочих моментов, которые нужно обсудить.

Девушка на мгновение замялась, её профессиональная улыбка дала едва заметную трещину. Она немного покраснела, что странно контрастировало с тёмным макияжем, и сделала шаг из-за стойки.

— Простите за бестактность, но... вы нашли себе кого-нибудь?

Вопрос застал его врасплох. Леонид нахмурился, пытаясь понять, откуда такое неуместное любопытство.

— В смысле? — не понял он. — Какое это имеет отношение к делу?

— Пожалуйста, не притворяйтесь, — её голос стал тише, почти заговорщическим, и она нервно оглянулась по сторонам. — Вы же знаете законы Партии. Каждый достойный член общества должен иметь пару. Особенно на такой ответственной должности, как ваша. Об этом говорили на последнем собрании...

И тут Леонид всё понял. Холодная, неприятная ясность пронзила его сознание. Он мгновенно вспомнил директивы, спущенные сверху, и настойчивые рекомендации партийного куратора. Эта девушка была не просто любопытной сотрудницей. Она была «ушами» системы, добровольной или принудительной. Он почувствовал, как расслабленная атмосфера его салона начала улетучиваться, сменяясь напряжением невидимого контроля.

Он решил не перебивать её. Ему было интересно, как далеко она зайдёт. Он молча смотрел на неё, и его взгляд из доброжелательно-хозяйского стал холодным и оценивающим.

Леонид смотрел на неё, и его молчание было красноречивее любых слов. Он ждал. Девушка, поняв, что её намёк был не просто принят, а тщательно взвешен, решила пойти ва-банк. Она слегка подалась вперёд, понизив голос до заговорщического шёпота.

— Вы в курсе?

Её вопрос был риторическим, утверждением, замаскированным под проявление заботы.

— Конечно, — сухо ответил Леонид, не отводя взгляда. Он был в курсе. В курсе последних партийных съездов, новых социальных нормативов и «рекомендаций», которые на деле были приказами. Идея о том, что каждый успешный гражданин должен быть ячейкой общества, витала в воздухе уже давно, но теперь она обрела форму конкретных директив.

Услышав его подтверждение, девушка осмелела. Маска профессиональной любезности окончательно спала, уступив место деловой предприимчивости.

— Так вот, — продолжила она, и в её голосе появились новые, почти бархатные нотки. — Если вы до сих пор свободны... если у вас нет подходящей кандидатуры... То я могу предложить вам куда-нибудь сходить. В кафе или в театр. Мы ведь давно знакомы, Леонид Борисович, но всё только по работе. Я думаю, нам стоит узнать друг друга поближе.

В подтверждение своих слов она сделала последний, решающий жест. Её рука легла на его предплечье. Пальцы сжали его сквозь ткань дорогого пиджака — сильно, но с претензией на ласку. Это было не просто прикосновение, а акт символического обладания, ставка в игре, где призом был он.

Леонид почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он медленно опустил взгляд на её руку, на ухоженные ногти с перламутровым лаком, а затем снова посмотрел ей в глаза. Ему захотелось резко отдернуть руку, но он заставил себя сохранить самообладание и даже изобразил лёгкое недоумение.

— Слушай... — он намеренно перешёл на более неформальный тон, пытаясь сбить её с толку. — Ну почему именно я? В «Гармонии» работают такие прекрасные ребята-массажисты. Аполлоны, а не мужчины. Все холостые, спортивные и гораздо моложе меня. Чем не пара?

Она усмехнулась. Это была уже не заискивающая улыбка администратора, а полная превосходства ухмылка человека, который точно знает, чего хочет.

— Массажист, — она с лёгким пренебрежением произнесла это слово. — Это, конечно, хорошо. Особенно зная, какие щедрые зарплаты вы им платите. Но вы... вы более способны обеспечивать девушку. У вас другие возможности. Вы, как бы это сказать... — она на секунду задумалась, подбирая самое точное слово. — Перспективный. Вот.

Слово «перспективный» повисло в воздухе, пропитанном ароматом эфирных масел. И в этом одном слове заключалось всё: его статус, его бизнес, его связи. Не он сам, а его перспективы.

Это стало последней каплей.

Леонид резко, но без грубости, отдернул руку, разрывая контакт.

— И всё же мне пора идти, — его голос стал ледяным.

Он развернулся и быстрым, пружинистым шагом направился по коридору, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания. Он чувствовал её взгляд в спину, но оборачиваться не стал. В салоне, к его досаде, действительно было несколько клиенток, ожидающих своих процедур. Молодые, ухоженные женщины в белых халатах лениво листали журналы, и Леониду на мгновение показалось, что все они смотрят на него с тем же оценивающим прищуром. Он перестал быть для них просто владельцем спа-салона. Он стал объектом, «перспективным» мужчиной, за которого теперь, видимо, будет вестись охота.

Дверь в кабинет управляющего была сделана из того же тёмного дерева, что и стойка ресепшена. Леонид остановился перед ней, на секунду прикрыв глаза и сделав глубокий вдох, чтобы успокоить колотящееся сердце. Он постучал. Это был жест вежливости, попытка вернуться к привычному, нормальному порядку вещей, где существуют субординация и деловой этикет.

— Да-да, входите! — донёсся из-за двери бодрый голос.

Леонид толкнул тяжёлую дверь и вошёл внутрь. Кабинет был его полной противоположностью: светлый, просторный, с огромным окном. В центре стоял массивный письменный стол, на котором царил идеальный порядок. За столом, в эргономичном кресле, сидел мужчина лет сорока в безупречно отглаженном сером деловом костюме. Снежно-белая рубашка была туго застёгнута, а ярко-красный галстук казался единственным цветовым пятном в этом царстве строгости.

Увидев Леонида, мужчина мгновенно отреагировал. Он вскочил со своего места так резко, будто сработала пружина, и поправил пиджак. Его лицо озарила искренняя, радушная улыбка.

— Леонид Борисович! Добрый день! А я как раз тут в таблице заполняю данные по новым клиентам. Отличный у нас прирост в этом месяце.

Несмотря на то что мужчина искренне улыбался, его выдавало едва заметное напряжение. Улыбка была слишком широкой, слишком старательной, а в глазах плескалась плохо скрываемая нервозность. Он стремительно обогнул свой массивный стол и, подойдя к Леониду, протянул руку для приветствия. Его рукопожатие было крепким, почти судорожным — жест человека, который изо всех сил пытается продемонстрировать уверенность, которой не чувствует.

Леонид ответил на рукопожатие спокойно, его собственная улыбка была едва заметной, но тёплой и обезоруживающей.

— Жора, не нужно оправдываться, — мягко произнёс он, глядя управляющему прямо в глаза. — Я прекрасно знаю, какой ты хороший специалист.

Леонид не спешил садиться. Он сделал несколько шагов по кабинету, рассматривая аккуратно расставленные на полках грамоты и дипломы. Затем, остановившись у окна, он произнёс, будто невзначай:

— Кстати, Жор. Слышал, у тебя недавно была годовщина свадьбы. Поздравляю.

Лицо управляющего мгновенно преобразилось. Профессиональная маска слетела, и на её месте появилось выражение искренней, неподдельной радости. Он весь расцвёл.

— Да, Леонид Борисович, спасибо! — с гордостью кивнул он. — Уже целых два года живу в законном браке с моей принцессой. Два года абсолютного счастья! И я очень горд, что работаю на такой должности, чтобы, как настоящий мужчина, полностью содержать свою жену, свою семью.

Леонид медленно, скептически покивал, глядя куда-то в сторону, сквозь стекло, на суетливую улицу. Он слышал в голосе Жоры не только личную гордость, но и отголоски партийных лозунгов о правильной ячейке общества. Эта идеология пропитала всё, даже самые интимные моменты жизни.

— Кстати, о твоей жене, — Леонид резко сменил тему, и его голос обрёл стальные нотки. — Я её недавно видел.

Жора искренне удивился, в его глазах промелькнул живой интерес.

— Правда? И где же, если не секрет? Она редко бывает в этом районе.

Леонид повернулся, и его взгляд впился в управляющего. Он сделал паузу, давая следующей фразе прозвучать с максимальным весом.

— У себя в квартире. Она же у тебя полицейский партии. Верно?

Воздух в кабинете стал густым и тяжёлым. Радостная улыбка сползла с лица Жоры, словно тающий снег, обнажая растерянность и подступающий страх. Его выражение лица стало грустным и даже немного затравленным. Он сглотнул, руки, лежавшие на столе, чуть заметно дрогнули.

— Леонид Борисович... — его голос сел и стал тише. — Я, кажется, стал догадываться, почему вы на самом деле сюда пришли.

Владелец спа-салона снова кивнул, но на этот раз не скептически, а твёрдо и уверенно, подтверждая его худшие опасения.

Тишина затянулась. Жора, осознав, что теперь разговор пойдёт совсем в ином ключе, выпрямился в кресле. Его личное, человеческое начало уступило место официальному лицу. Теперь он был не просто управляющим, а мужем сотрудника силового ведомства. И говорил он уже не от себя.

— Ну как же вы так, Леонид Борисович? — в его голосе появились нотки холодного, почти отеческого укора. — Вы же знаете новый закон. Вам двадцать девять лет. Возраст, когда мужчина должен быть опорой для семьи и государства. А вы до сих пор не в браке. Вы же прекрасно знаете, как холостые мужчины вашего статуса опасны для нашего равноправного и гармоничного общества. Это ведь неконтролируемый элемент.

Леонид ничего не ответил. Он молча стоял, внимательно слушая и обрабатывая каждое слово, которое слетало с губ его подчинённого. Он видел, как страх в глазах Жоры борется с долгом.

Напряжение, висевшее в кабинете, внезапно лопнуло, сменившись звенящей тишиной. Леонид опустил плечи, словно сбрасывая с себя непосильный груз. Вся его напускная уверенность испарилась, оставив место тихой, почти детской растерянности.

— Я знаю, — едва слышно произнёс он, и его голос был полон неподдельной усталости. — Знаю... Но я не могу себе найти ту единственную. Ту, с которой мне будет по-настоящему хорошо. Все девушки, которых я встречаю, для меня почему-то такие одинаковые. Словно безупречные фарфоровые куклы в витрине магазина игрушек. Идеальные причёски, выверенные улыбки, запрограммированные ответы на стандартные вопросы... В них нет жизни, нет огня. Мне хочется найти более подходящую по духу. По интересам. Чтобы можно было говорить часами обо всём на свете, а не только о погоде и последних партийных новостях. Понимаешь?

Он поднял на Жору взгляд, полный отчаяния и слабой надежды на понимание. И Жора понял. Официальная маска строгого исполнителя треснула и осыпалась. На его лице снова появилась улыбка, но теперь она была совершенно другой — не натянутой и не снисходительной, а тёплой, почти заговорщической. Он обошёл стол и присел на его край, сокращая дистанцию между собой и начальником.

— Я вас понимаю, Леонид Борисович. Поверьте, я знаю, о чём вы говорите. Должен признаться, у меня когда-то было то же самое. Целый калейдоскоп пустых лиц и бессмысленных встреч. Но не волнуйтесь. — Он ободряюще похлопал Леонида по плечу.

— Я, как женатый человек, как настоящий мужчина, который нашёл своё счастье, вам помогу. Мы решим эту проблему.

В это же время управляющий, приняв вид деловитого эксперта по семейным вопросам, достал из кармана свой смартфон. Экран ярко вспыхнул в приглушённом свете кабинета.

— Итак, для начала расскажите мне. Где и как вы искали себе пару? Давайте проанализируем вашу стратегию.

Леонид нахмурился, погружаясь в воспоминания. Он стал перебирать в голове череду недавних событий, пытаясь систематизировать свои неудачи, чтобы дать как можно более точный ответ.

— Ну... в основном на разных мероприятиях. Закрытые вернисажи, деловые приёмы, благотворительные вечера. Я думал, там собираются люди с определённым кругозором. Подходить к незнакомке на улице — это совершенно не мой метод. Для меня одно из главных — это общие интересы, какой-то общий фундамент. А как узнать об интересах девушки, которая просто гуляет в парке или сидит во дворе? Это похоже на лотерею, а я не хочу тратить время на пустые разговоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.